

Антимонопольное регулирование

Антитраст больше не антитраст? Тенденции конкурентной политики и антимонопольного правоприменения

Карина Александровна Ионкина*ORCID: 0000-0003-0387-6836*

Научный сотрудник, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 84); научный сотрудник, экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (РФ, 119234, Москва, Ленинские Горы, 1, стр. 46)
E-mail: ionkina-ka@ranepa.ru

Антон Николаевич Морозов*ORCID: 0000-0001-5402-8023*

Кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 84); научный сотрудник, экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (РФ, 119234, Москва, Ленинские Горы, 1, стр. 46)
E-mail: morozov-an@ranepa.ru

Аннотация

В статье на основании мировой практики применения инструментов конкурентной политики выделены основные тенденции в развитии антитраста и конкурентной политики в целом за последние десять лет, а также определено их соответствие стандартным целям антитраста. Объект исследования — антимонопольная политика в мире в последние десять лет. В работе проверена гипотеза о наличии регуляторного крена в современной антимонопольной политике, находящаяся в контексте дискуссии о распространенности фундаменталистского подхода в экономической политике в целом. На основании ряда кейсов рассмотрены следующие тенденции: рост внимания антимонопольных органов к цифровым рынкам, включая «проконкурентное регулирование» цифровых рынков и расследования в отношении цифровых платформ, распространение мер популистского характера, использование инструментария антимонопольной политики для решения социальных проблем и в иных целях, отличных от традиционных целей защиты конкуренции, включая трансфер технологий и протекционизм. Также показано, что в рамках каждого из этих направлений существуют несостыковки между принятыми мерами и целями развития конкуренции, что проявляется в усилении регулирования (и в ряде случаев — в переходе к прямому регулированию) цифровых рынков, подмене позитивного анализа нормативным, а также в реализации промышленной политики с помощью антимонопольных инструментов. Кроме того, проявление склонности к прямому регулированию является одним из аргументов в пользу гипотезы о превалировании регуляторного фундаментализма в сфере конкурентной политики в последнее десятилетие.

Ключевые слова: регуляторный фундаментализм, протекционизм, популизм, цифровые рынки, коронавирус

JEL: K21, L40, L52

Antimonopoly Regulations

Is Antitrust Still Antitrust? Trends in Competition Policy and Antitrust Enforcement

Karina A. Ionkina

ORCID: 0000-0003-0387-6836

Researcher, Institute of Applied Economic Research, RANEPa;^a Researcher, Economics Faculty, Lomonosov Moscow State University,^b e-mail: ionkina-ka@ranepa.ru

^a 84, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russian Federation

^b 1–46, Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russian Federation

Anton N. Morozov

ORCID: 0000-0001-5402-8023

Ph. D. (Econ.), Researcher, Institute of Applied Economic Research, RANEPa;^a Researcher, Economics Faculty, Lomonosov Moscow State University,^b e-mail: morozov-an@ranepa.ru

Abstract

This article identifies major trends in the development of competition and antitrust policy over the past ten years and relates them to standard antitrust objectives. The study concentrates on competition policy with emphasis on how antitrust measures operate as one component in it. The hypothesis that there is regulatory bias in contemporary antitrust policy is explored and assessed in terms of a broader debate about the prevalence of a fundamentalist approach in economic policy. Several case studies are adduced to illustrate the following trends: increased focus by antimonopoly authorities on digital markets, pro-competitive regulation of those markets, and antitrust investigations into digital platforms. The article continues with a discussion of the proliferation of populist measures associated with antitrust objectives. The growing use of competition policy for solving social problems and for purposes beyond those of traditional competition policy (such as governing technology transfer and addressing protectionism) is examined. Each of the trends described are shown to exhibit inconsistencies between the measures taken and the policy objective of enhancing competition with the result that regulation of digital markets intensifies (and becomes direct regulation in some instances), relies on normative rather than objective analysis, and leads to implementation of industrial policy through antitrust measures. The progression toward direct regulation bolsters the hypothesis that regulatory fundamentalism has become quite prevalent as part of competition policy in recent years.

Keywords: regulatory fundamentalism, protectionism, populism, digital markets, coronavirus

JEL: K21, L40, L52

Acknowledgements

The article was prepared as part of the RANEPa state assignment research programme.

Введение

В настоящее время не прекращается дискуссия о роли и функциях антиitrustа и — более широко — конкурентной политики в системе государственной экономической политики. В состав «жесткого ядра» антиitrustа во многих странах мира принято включать: противодействие антиконкурентным соглашениям, противодействие злоупотреблению доминирующим положением и антимонопольный контроль сделок экономической концентрации [Авдашева, Шаститко, 2010]. Среди этих направлений приоритеты для отдельных стран также могут быть разными и зависеть от большого числа факторов: от особенностей структуры экономики до господствующих идей в экономической науке, особенно в области теории отраслевых рынков.

Хотя антимонопольная политика непосредственным образом направлена на предотвращение ограничения конкуренции, ее конечной целью является защита общественного благосостояния или благосостояния потребителей. Причем во многих странах акцент делается именно на благосостоянии потребителей, в частности из-за их меньшей по сравнению с компаниями переговорной силы [Шаститко, Павлова, 2018; Motta, 2004]. Указанные цели антимонопольной политики реализуются в рамках рыночных механизмов за счет стимулирования конкуренции, что позволяет противопоставить ее экономическому регулированию, подразумевающему непосредственное вмешательство в работу рыночных механизмов за счет налогов, субсидий, контроля за тарифами, условий входа и т.д. [Шаститко, 2021; Posner, 1974]. В некоторых случаях экономическое регулирование может быть прямо направлено на ограничение конкуренции (например, создание барьеров входа путем лицензирования или определение минимального порога цен) [Posner, 1974], что также указывает на наличие противоречий между экономическим регулированием и антимонопольной политикой.

Конкурентная политика в целом и антиitrust в частности в течение долгого периода времени тесно связаны с развитием экономической науки, причем эта связь является двунаправленной [Шаститко, 2017]. С развитием теории игр и эмпирических отраслевых рынков получил распространение взвешенный подход в антиitrustе (*rule of reason*), когда правоприменение основывается на сопоставлении положительных и отрицательных последствий отдельных практик (наиболее яркий пример — изменение отношения антимонопольных органов к вертикальным соглашениям с течением времени) [Авдашева и др., 2007]. Но несмотря на относительно небольшое число эмпирических исследований, особенности российского антимонопольного правоприменения

изучаются давно и в достаточной мере подробно [Авдашева, 2024; Цыганов, Павлова, 2017; Katsoulacos et al., 2021]. И хотя доступный экспертам и антимонопольным органам инструментарий экономического анализа постоянно развивается, сложность методологии количественной оценки и неизбежные противоречия в результатах могут подрывать доверие к экономическим доказательствам и самому правилу взвешенного подхода. Как следствие, это может создавать спрос со стороны регулятора на расширение прямого вмешательства/регулирования или даже расширение *per se* запретов как более понятного подхода к правоприменению для публики [Стенограмма семинара..., 2023].

Если говорить о России, то здесь антимонопольный орган осуществляет экономическое регулирование даже на де-факто конкурентных рынках. В частности, об этом свидетельствует практика противодействия индивидуальному злоупотреблению доминирующим положением в составе коллективного доминирования [Шаститко, Ионкина, 2021]. Этому могло способствовать то, что с 2015 года функционал ФАС России постепенно расширялся, включая вопросы регулирования тарифов, государственных закупок и государственного оборонного заказа, и в настоящее время антимонопольное ведомство не только преследует цели защиты конкуренции или защиты прав потребителей, но и решает специфические задачи из области отраслевого регулирования [Цыганов, Павлова, 2017].

В то же время возможно подняться на уровень выше и обсудить, как за последнее десятилетие изменилась антимонопольная политика в мире. Этот период характеризуется стремительными технологическими изменениями, преобразовавшими бизнес-модели многих компаний и создавшими предпосылки для трансформации экономики платформ в экономику экосистем. Как следствие, внимание к деятельности и возможным злоупотреблениям со стороны цифровых платформ и экосистем входит в число приоритетных направлений для антимонопольных органов в большинстве юрисдикций. Кроме того, в течение последних лет мир столкнулся с пандемией коронавируса, которая имела свои последствия как для экономики в целом, так и для конкурентной политики в частности. В связи с этим возникает вопрос, каким образом расширение функционала антимонопольных органов и смещение в сторону прямого регулирования сочетается с первоначальными целями защиты конкуренции и благосостояния потребителей? Иными словами, можно ли говорить о том, что антитраст — вовсе и не антитраст, а нечто иное, связанное с альтернативными целями экономической и социальной политики? Этот вопрос особенно интересен с точки зрения дискуссии вокруг функционалистского и фундаменталистского подходов в антимо-

нопольном правоприменении [Шаститко, Ионкина, 2023; Шаститко, Павлова, 2022].

Цель настоящей статьи — выделить основные тенденции в развитии антиitrustа и конкурентной политики в целом за последние десять лет и определить их соответствие целям защиты конкуренции. На основе обобщения отдельных кейсов проверяется гипотеза о наличии в современной практике антимонопольного правоприменения крена в сторону экономического регулирования, что может подтвердить предположение о широкой распространенности фундаменталистского подхода.

В первом разделе мы рассматриваем отдельные дела и выделяем основные тенденции антимонопольного правоприменения в развитых и развивающихся странах за последние десять лет. Во втором разделе — обобщаем выделенные тенденции и обсуждаем их в контексте дискуссии о функционализме и фундаментализме в области антимонопольной политики¹. В заключении — делаем некоторые промежуточные выводы и выделяем направления для дальнейших исследований по теме.

1. Свидетельства усиления регуляторного тренда в современном мире

В этом разделе на основе анализа отдельных дел мы выделяем наиболее заметные тенденции и практики антимонопольного правоприменения, характерные как для развитых, так и для развивающихся рыночных экономик.

Антиitrust на цифровых рынках

Одной из ключевых тенденций развития антиitrustа начиная с 1990-х годов стало повышение внимания антимонопольных органов разных стран к цифровым компаниям. Для этого есть несколько возможных оснований, включая изменение бизнес-моделей крупнейших цифровых компаний (распространение цифровых платформ и экосистем) и увеличение их влияния на рынки; особенно часто этот аспект обсуждается в отношении компаний, входящих в так называемую группу GAFAM (*Google, Amazon, Facebook, Apple, Microsoft*). Кроме того, антимонопольные органы ряда стран отмечают усиление рыночной власти, которое

---

¹ Регуляторный фундаментализм — это подход, в соответствии с которым государство пытается устранить любые выявленные рыночные несовершенства в экономических отношениях через активное вмешательство, не рассматривая возможные альтернативы. Функционализм, напротив, предполагает сравнительный анализ возможных альтернатив с учетом транзакционных издержек и конкретных обстоятельств места и времени [Шаститко, 2021; Шаститко, Павлова, 2022].

связано с ростом влияния на рынки, включая смежные, за счет сетевых эффектов, а также эффекта портфолио.

Антимонопольные дела против цифровых компаний не являются чем-то новым: так, первое дело против компании *Microsoft* было открыто в 1990 году в США [Косякина, Подлесная, 2018]. В то же время число дел против цифровых компаний в последние годы существенно возросло [Авдашева и др., 2022], а сами эти дела рассматривались в различных юрисдикциях — как в развитых, так и в развивающихся странах. Так, в 2016 году в Израиле проводилось расследование в отношении платформы цифровых объявлений *Yad-2* [Spiegel, 2018], а в 2018-м аналогичное дело было рассмотрено в Турции в отношении местного классифайда *Sahibinden* [Ayata, 2021]. Общим для обоих дел является то, что антимонопольные органы обвиняли платформы в установлении монопольно высокой цены. В отношении *Sahibinden* факт нарушения был доказан. Примечательно, что турецкий антимонопольный регулятор (*Rekabet Kurumu, RK*) пытался применить к анализу цены затратный подход, но вскоре признал это нецелесообразным и фактически применил метод сопоставимых рынков, показав, что *Sahibinden* повышал цены быстрее, чем конкуренты.

Масштаб и характер дел против цифровых компаний потребовал изменений в законодательстве многих стран, что может быть связано, в частности, с ростом числа экономических исследований в области отраслевых рынков (например, в части исследований концепций сетевых эффектов и цифровых платформ), а также увеличением уверенности в том, что традиционные инструменты конкурентной политики не снижают существующие риски ограничения конкуренции со стороны платформ. Например, в Европейском союзе крупные цифровые компании стали рассматриваться как «привратники» (*gatekeepers*) в соответствии с законом ЕС о цифровых рынках — *Digital Markets Act*. Подлежащие контролю компании были отобраны в соответствии с критериями объема выручки, капитализации, а также числа пользователей. Сам закон интересен тем, что в нем предложено изменение акцентов в правоприменении и переход от защиты конкуренции к проконкурентному регулированию [Авдашева и др., 2022].

Попытки изменения подходов к антимонопольному правоприменению в отношении цифровых компаний делаются и в России. В начале 2022 года крупные ИТ-компании совместно с ФАС России приняли и подписали меморандум о принципах работы на цифровых рынках [Авдашева и др., 2022]. В 2023 году был принят так называемый пятый антимонопольный пакет, во многом направленный на конкретизацию применения антимонопольных запретов по отношению к платформам.

Популизм в антиitrustе

Еще одной тенденцией последнего десятилетия стало усиление популистской направленности антиitrustа. Рост влияния крупнейших цифровых компаний явился толчком для появления такого направления, как новая брандейская традиция (*new Brandeis school*), или «хипстерский антиitrust», как его называют критики [Dorsey et al., 2018]. Основными идеологами этого направления выступают Лина Хан (экс-председатель Федеральной торговой комиссии США) и Тим Ву (экс-помощник президента США). Ключевые принципы нового направления были зафиксированы в *Utah Statement*: согласно документу рыночная власть частных компаний должна находиться под контролем демократии, так как она может трансформироваться в их политическое влияние, способное нанести ущерб свободам, и иметь антидемократический характер. Честная конкуренция необходима для борьбы с неравенством, перераспределения богатства и влияния. А значит, антимонопольное правоприменение может быть одним из средств для того, чтобы снизить возникающие негативные эффекты для общества².

Во многих юрисдикциях целью конкурентной политики является максимизация общественного благосостояния или благосостояния конечных потребителей [Шаститко, Павлова, 2018]. Эти же критерии используются в качестве целевых при оценке результативности деятельности антимонопольных органов [Avdasheva et al., 2019]. В свою очередь, представители новой брандейской традиции указывают на неприменимость экономических доказательств, апеллирующих к положительным эффектам для общественного или потребительского благосостояния в антимонопольных спорах, поскольку крупный бизнес способен злоупотреблять подобными доказательствами. Соответственно, правило взвешенного подхода может использоваться монополистами для ухода от ответственности [Khan, 2017]. Согласно логике *Utah Statement* ошибки правоприменения II рода (ненаказание виновного) не должны считаться менее опасными по сравнению с ошибками I рода (наказанием невиновного) [Шаститко, 2013].

Действительно, применение правила взвешенного подхода в США привело к возникновению перекоса в распределении бремени доказывания таким образом, что 97% антимонопольных жалоб отклоняется по причине отсутствия доказательства вреда для конкуренции [Carrier, 2008]. С одной стороны, это может подтверждать гипотезу об уходе монополистов от ответственности.

---

² The Utah Statement: Reviving Antimonopoly Traditions for the Era of Big Tech. 2019. <https://onezero.medium.com/the-utah-statement-reviving-antimonopoly-traditions-for-the-era-of-big-tech-e6be198012d7>.

С другой стороны, не очевидно, что компании должны подвергаться наказанию за действия, вред от которых не доказан. Кроме того, следует учитывать, что наличие такого перекоса доказано лишь для США, в то время как в других странах (и в частности, в России) статистика может быть иной.

Критики этого подхода подчеркивают его популистскую направленность: «хипстерский антитраст» теряет экономические основания и становится инструментом решения политических и социальных задач, что в итоге способно подорвать стимулы компаний к расширению деятельности и активной конкуренции [Dorsey et al., 2018; Shapiro, 2018].

В России к проявлениям популизма можно отнести применение нормы о коллективном доминировании, особенно с учетом всё более активного ее использования в отношении нарушений на рынках социально значимых товаров: розничной продажи топлива³, тепловой энергии⁴, услуг по управлению многоквартирными домами⁵, лекарственных средств⁶, продовольственных товаров⁷, в том числе мелкооптовой торговли овощами⁸, оптовой реализации гречневой крупы⁹, сырого молока¹⁰. Повышение цен на этих рынках остро воспринимается общественностью, но в силу большого числа участников на них не всегда можно обнаружить доминирующую компанию или доказать факт сговора. Формулировка нормы о коллективном доминировании допускает ее применение даже к относительно небольшим компаниям (от 8% объема рынка), а связанные с ней расследования зачастую касаются обвинения отдельных фирм в индивидуальном злоупотреблении в рамках коллективно доминирующей группы [Шаститко, Ионкина, 2023]. Фактически эта норма выступает механизмом для реализации экономического регулирования таких рынков силами антимонопольного ведомства.

В качестве примера можно упомянуть ряд дел в отношении «Теле2» [Шаститко, Павлова, 2021], когда расследование затронуло участника рынка с наименьшей долей, в то время как деятельность более крупных конкурентов не вызвала подозрений. Примечательно, что в одном из таких дел ФАС не смогла проверить утверждение «Теле2» о том, что ее тарифы сопоставимы или

³ Решение Свердловского УФАС от 27.01.2010 по делу № 31; Решение УФАС по Приморскому краю от 27.08.2009 по делу № 17.

⁴ Решение Татарстанского УФАС от 10.10.15 по делу № 05-734/2014.

⁵ Решение и предписание Ярославского УФАС от 25.01.12 по делу № 03-03/153-11.

⁶ Решение Липецкого УФАС от 29.09.20 по делу №048/01/10-259/2020.

⁷ Решение Чувашского УФАС от 11.12.15 по делу № 51/04-АМЗ-2015; Постановление Чувашского УФАС от 23.11.15 о наложении штрафа по делу об административном правонарушении № 97/04-А-2015.

⁸ Решение Татарстанского УФАС от 06.04.2016 по делу № 05-829/2014.

⁹ Решение Нижегородского УФАС от 09.09.11 по делу № 91-ФАС52-ТР-04/11.

¹⁰ Решение и предписание Пермского УФАС от 10.06.14 по делу № 927-11-А.

даже ниже, чем у конкурентов. Регулятор не проводил исследование, а лишь указал, что в силу различного наполнения тарифы разных операторов несопоставимы¹¹. Отметим, что хотя такая задача и нетривиальна, она всё же выполнима, для чего могли бы быть использованы модели гедонистического ценообразования [Forenbacher et al., 2016] или оценки спроса по набору характеристик (characteristic space approach) [Davis, Garcés, 2009], что подтверждает необходимость повышения уровня экономической экспертизы ФАС, как отмечали исследователи и ранее [Авдашева и др., 2015; Авдашева, Макаров, 2017; Шаститко, 2014].

Антиitrust как инструмент промышленной политики

В рамках антимонопольных разбирательств зачастую преследуются и другие цели, в частности трансфер технологий, что особенно важно для развивающихся стран. Одним из первых крупных антимонопольных дел в сфере интеллектуальной собственности в развивающихся странах стало дело против американской компании *Qualcomm* в Китае, которая имеет доминирующее положение на рынке технологий полупроводниковых микросхем памяти¹², используемых в сфере беспроводной связи. Компания была обвинена в антиконкурентных действиях при продаже патентных лицензий на микросхемы памяти, выразившихся в необоснованном навязывании покупателям невыгодных для них условий связанных продаж [Ju, Lin, 2020]. При проведении расследования было обнаружено, что компания, продавая лицензии в пакете, не предоставляла покупателям список всех лицензий, которые туда входили, в результате чего в пакете могли оказаться патенты, срок действия которых истек на момент покупки. Кроме того, условия перекрестного лицензирования ущемляли права покупателей, так как покупатели должны были предоставлять свои собственные патенты *Qualcomm* без дополнительной платы, но в ответ компания никаких скидок не делала [Ju, Lin, 2020].

В результате рассмотрения дела компания *Qualcomm* должна была выплатить штраф 6,08 млрд юаней (975 млн долл.), что стало самым строгим штрафом за нарушение антимонопольного законодательства, когда-либо наложенным в Китае [Ju, Lin, 2020]. В результате проведенного расследования были выдвинуты и другие условия для компании, включающие снижение цен (роялти) для китайских производителей смартфонов, а также отказ от объединения разных лицензий при их продаже в рамках одного пакета,

¹¹ Решение ФАС России от 02.11.20 по делу № 11/01/10-46/2020.

¹² *Qualcomm* заплатит властям Китая штраф 975 млн долл. // Коммерсантъ. 2015. 10 февраля. <https://www.kommersant.ru/doc/2664597>.

так как объединение в пакеты разных типов лицензий рассматривалось как навязывание китайским компаниям лицензий, которые им не нужны¹³. Результаты рассмотрения дела против *Qualcomm* в Китае можно интерпретировать следующим образом: в ситуации, когда у местных правительств нет инструментов для ведения результативных переговоров с международной компанией для достижения выгодных условий по передаче прав интеллектуальной собственности местным компаниям (или для снижения цен в форме роялти), антимонопольное законодательство может выступать как инструмент для достижения данной цели в случае установления доминирующего положения компании — владельца интеллектуальной собственности.

Еще одно дело, в рамках которого были достигнуты во многом схожие результаты, — дело по слиянию *Bayer* и *Monsanto*, которое рассматривалось в различных юрисдикциях. Эта сделка интересна тем, что одним из ее значимых элементов стали технологии, которые можно отнести к сквозным, то есть таким, которые являются потенциальным источником комплементарных инвестиций в отраслях, где они применяются [Helpman, Trajtenberg, 1998]. Несмотря на то что сделка имела потенциальный положительный синергетический эффект на инновации, она также была способна создавать и негативный внешний эффект для других компаний, действующих в той же сфере, в том числе снижая стимулы к инновациям для них.

Процесс одобрения сделки осуществлялся в ряде юрисдикций, включая Россию и другие страны БРИКС, Европейский союз, США. В 2018 году процесс согласования сделки был завершен. В результате в большинстве юрисдикций, где сделка проходила согласование с антимонопольными органами, был выдвинут ряд предписаний, включавших в том числе трансфер технологий местным компаниям. В частности, в Европейском союзе в число условий было включено обязательство по продаже компании *BASF* ряда активов, связанных с технологиями в области производства семян. В России компаниям было выдано предписание, включающее условие по передаче технологий, связанных с селекцией семян, а также цифровым земледелием; кроме того, условия согласования сделки предусматривали недискриминационный доступ для российских компаний к цифровым сервисам¹⁴. В странах БРИКС также был предусмотрен ряд предписаний, касающихся трансфера технологий. Например, в Китае местный антимоно-

¹³ Qualcomm заплатит властям Китая штраф 975 млн долл... 2015. <https://www.kommersant.ru/doc/2664597>.

¹⁴ ФАС одобрила сделку по слиянию Bayer и Monsanto // Интерфакс. 2018. 20 апреля. <https://www.interfax.ru/business/609346>.

польный орган (MOFCOM) выдал предписание, в соответствии с которым образованная после слияния компания обязана предоставлять доступ китайским разработчикам программного обеспечения к своим цифровым решениям (в частности, к платформе FieldView от *Monsanto*).

Антиitrust в период коронавируса

Описывая события последнего времени, нельзя не упомянуть, что существенное влияние на условия функционирования рынков оказала пандемия коронавируса. Во многих странах были введены послабления, допускающие горизонтальные соглашения между компаниями-конкурентами, направленные на предотвращение нарушений в цепочках поставок и недопущение дефицита социально значимых товаров^{15, 16, 17}. Однако, несмотря на широкое распространение антимонопольных исключений в период пандемии, они не были однородны и повсеместны. В России некоторые послабления в части контроля соглашений были приняты только в отношении отдельного ряда закупочных процедур¹⁸, а в Китае в принципе не вводились исключения для соглашений. Неоднородны были также меры в части контроля за сделками экономической концентрации. Например, в Мексике в отношении слияний, способствующих росту выпуска медицинских изделий и ряда дефицитных товаров, был установлен ускоренный порядок согласования. В ЕС сроки для согласования слияний увеличились, но предусматривался дистанционный формат их подачи и одобрения¹⁹. Кроме того, антимонопольные исключения сопровождалась мерами ценового контроля и кратным ростом числа дел по признакам установления монополично высокой цены [Kianzad, 2022]. Пожалуй, наибольшее распространение в мире получила практика мониторинга цен и формирования запасов на товары первой необходимости. Обязанности осуществления ценового контроля были возложены на антимонопольные органы

¹⁵ Antitrust Law and Legislation at the EU Level During Covid-19. Mexico. 2020. <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-antitrust-law-and-legislation-during-covid-19/mexico>.

¹⁶ ICN Steering Group Statement: Competition During and After the COVID-19 Pandemic. 2020. <https://www.internationalcompetitionnetwork.org/wp-content/uploads/2020/04/SG-Covid19Statement-April2020.pdf>.

¹⁷ Guidelines on the Application of Article 101(3) TFEU (formerly Article 81(3) TEC). 2020. <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/guidelines-on-the-application-of-article-101-3-tfeu-formerly-article-81-3-tec.html>.

¹⁸ Совместное письмо Минфина России от 03.04.2020 № 24-06-05/26578, МЧС России от 03.04.2020 № 219-АГ-70, ФАС России от 03.04.2020 № МЕ/28039/20 об осуществлении закупок товара, работы, услуги для обеспечения государственных и муниципальных нужд в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV. 2020. https://fas.gov.ru/ckeditor_assets/attachments/1102/sovместnoe_pismo_mf_mchs_fas_pdf.pdf.

¹⁹ Antitrust Law and Legislation at the EU Level During COVID-19. EU Level. 2020. <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-antitrust-law-and-legislation-during-covid-19/eu-level>.

как в развивающихся рыночных экономиках^{20, 21, 22}, так и в странах Европейского союза²³ и США²⁴.

Таким образом, хотя в период пандемии конкурентная политика не оказалась в числе приоритетов, вводимые послабления не подразумевали отказ от защиты конкуренции. Так, при введении исключительных мер в ЕС особо оговаривалось, что подпадающие под исключения соглашения должны иметь положительные эффекты для населения и не создавать риски ограничения конкуренции²⁵. В Великобритании в период пандемии было разрешено заключать сделки экономической концентрации без предварительного уведомления антимонопольного органа, но при условии, что такие сделки могут рассматриваться позже при обнаружении антиконкурентных последствий²⁶. В настоящее время меры, которые начали действовать в начале пандемии, отменены из-за улучшения эпидемиологической ситуации.

2. Соответствие тенденций последнего десятилетия целям защиты конкуренции

В настоящем разделе мы обобщаем выделенные тенденции в практике антимонопольного правоприменения и соотносим их с положениями экономической теории, чтобы определить их соответствие целям защиты конкуренции.

Конкуренция на цифровых рынках и контроль за ценообразованием платформ

Анализ показал наметившуюся в развитых рыночных экономиках тенденцию к введению проконкурентного регулирования на цифровых рынках. Вопрос антимонопольного контроля деятельности компаний на рынках с цифровыми платформами уже продолжительное время является предметом как экономических

---

²⁰ Antitrust Law and Legislation at the EU Level During COVID-19. Turkey. 2020. <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-antitrust-law-and-legislation-during-covid-19/turkey>.

²¹ Antitrust Law and Legislation at the EU Level During COVID-19. China. 2020. <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-antitrust-law-and-legislation-during-covid-19/china>.

²² Antitrust Law and Legislation at the EU Level During COVID-19. Mexico. 2020. <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-antitrust-law-and-legislation-during-covid-19/mexico>.

²³ Antitrust Law and Legislation at the EU Level During COVID-19. EU Level. 2020. <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-antitrust-law-and-legislation-during-covid-19/eu-level>.

²⁴ The Attorney General. Memorandum for All Heads of Department Components and Law Enforcement Agencies. 2020. <https://www.justice.gov/file/1262776/download>.

²⁵ Guidelines on the Application of Article 101(3) TFEU (formerly Article 81(3) TEC). 2020. <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/guidelines-on-the-application-of-article-101-3-tfeu-formerly-article-81-3-tec.html>.

²⁶ CMA Approach to Business Cooperation in Response to COVID-19. 2020. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/875468/COVID-19_guidance_-_pdf.

исследований, так и антимонопольных разбирательств. Тем не менее до сих пор не выработано ни единого мнения относительно определения продуктовых границ таких рынков [Маркова, 2022], ни подходов к анализу их ценообразования [Shastitko et al., 2024]. Равновесные цены, устанавливаемые платформами, не связаны с издержками [Evans, Schmalensee, 2007]. Как следствие, отклонение цен от предельных издержек может наблюдаться в том числе в условиях конкуренции и не должно рассматриваться в качестве признака злоупотребления рыночной властью [Evans, 2011].

Попытки регулирования цен на рынках с платформами по своей логике повторяют регулирование отраслей с естественно-монопольным компонентом. Отличие заключается в том, что в случае цифровых рынков монопольные структуры не возникают. Сам факт существования естественных монополий имеет экономическое основание — субаддитивность издержек [Baumol, 1977]. С одной стороны, существование нескольких компаний на рынке с естественно-монопольным компонентом неэффективно для общественного благосостояния, что и является основанием сохранения таких рынков в монопольном состоянии. С другой стороны, при таких условиях вторая компания никогда не войдет на рынок, поскольку укоренившаяся фирма всегда имеет преимущество в издержках.

И здесь следует обратить внимание на то, что крупные корпорации — владельцы экосистем действуют на множестве пересекающихся или в той или иной мере связанных рынков и конкурируют между собой. Кроме того, на этих рынках представлены и другие компании, успешно конкурирующие с глобальными гигантами на локальных рынках (например, на рынке поисковиков *Google* сталкивается с конкуренцией со стороны «Яндекса» в России и *Baidu* — в Китае). Наконец, цифровые отрасли находятся в постоянном движении. Если ранее доминирование *Microsoft* на рынке операционных систем не вызывало вопросов, то с появлением мобильных платформ, несмотря на все попытки доминирующей корпорации, большую долю здесь удалось занять системе *Android* — формально open-source решение, но в коммерческой реализации связанное с *Google*. В этом случае *Google* удалось занять нишу, на которую изначально претендовал *Microsoft*, что подчеркивает наличие конкуренции между крупнейшими экосистемами [Bhargava, 2009]. В сфере офисных пакетов исторически лидирующие позиции занимал продукт *Lotus 1-2-3*, что не помешало *Microsoft* войти на этот рынок и сместить прежнего монополиста [Campbell-Kelly, 2001]. Нет гарантий, что на горизонте ближайших десятилетий появление новых технологий не приведет к последующему изменению состава участников и условий конкуренции на таких рынках.

В этой ситуации регулирование естественных монополий, построенное на предпосылке, что рыночная власть единственной компании носит перманентный характер, просто не будет успевать за этими изменениями. Динамику и сложность происходящих процессов иллюстрирует проблема регулирования цифровых экосистем, которая приобретает в последнее время всё большую актуальность. Однако само определение экосистемы всё еще является вопросом дискуссионным [Шаститко и др., 2023; Jacobides et al., 2018].

В этом контексте ожидаемо, что с политической точки зрения проще принять ad hoc регулирование, ограничивающее масштабы деятельности конкретных компаний, чем выводить формулировки законодательства, ориентированного на общие случаи, при котором под ограничение рискуют попасть и те фирмы, деятельность которых не связана с негативными последствиями. В качестве примера такого регулирования можно выделить европейский Digital Markets Act, который устанавливает правила доступа к ключевым мощностям крупнейших цифровых экосистем, подразумевая, что эти мощности могут быть использованы с целью ограничения конкуренции.

Можно предположить, что такой ad hoc подход имеет меньшее негативное влияние на конкуренцию (по сравнению с более общими ограничениями), поскольку в целом не препятствует свободной конкурентной борьбе, сдерживая только крупный бизнес. Но всё еще остается вопрос выбора регулируемых компаний, который осуществляется в большей мере интуитивно и не подразумевает проведение какого-либо анализа. Это подчеркивает актуальность трансформации политических механизмов в сторону более активного внедрения доказательного подхода и развития эмпирического инструментария антимонопольной политики.

Популизм и цели защиты конкуренции

Особенность новой брандгейской традиции заключается в том, что ее сторонники не ставят под сомнение наличие вреда от любых проявлений ограничения конкуренции, предполагая, что в той или иной мере они скажутся на благосостоянии конечных потребителей, в том числе через политические механизмы. Как следствие, никакое экономическое обоснование эффективности не может рассматриваться в качестве доказательства допустимости тех или иных практик. Такой подход представляет собой часть более общей проблемы преобладания в процессе принятия политических решений парадигмы регуляторного фундаментализма [Шаститко, 2021; Шаститко, Ионкина, 2023; Шаститко, Павлова, 2022 ; Шаститко и др., 2021].

Хотя такой подход и декларирует бóльшую приверженность принципам защиты конкуренции, отказ от экспертизы может нести негативные последствия. Позиция сторонников данного подхода состоит в том, что ошибки II рода не менее значительны, чем ошибки I рода. Но, безотносительно того, какие ошибки — I или II рода — хуже, возникновение ошибок любого типа снижает сдерживание [Polinsky, Shavell, 2000], а значит, увеличивает масштаб нежелательной для общества деятельности. Если растёт риск, что невиновную компанию обвинят в нарушении законодательства, то выгода от нарушения становится относительно выше выгоды добросовестного поведения, что снижает стимулы вести себя добросовестно. В контексте антимонопольного законодательства это, с одной стороны, подталкивает компании к антиконкурентному поведению, с другой — создает чрезмерное регуляторное давление, приводящие к росту барьеров входа.

Применение нормы о коллективном доминировании в России также представляет собой проявление популизма, поскольку ее использование можно рассматривать как элемент рыночного регулирования, в первую очередь направленный на решение социально-экономических проблем (или создание видимости их решения), а не на защиту конкуренции. Как показал приведенный ранее анализ дела «Теле2», ведомство не готово рассматривать альтернативные объяснения действий фирмы, подводя любые аномалии под злоупотребление в рамках коллективного доминирования, под формальные критерии которого подпадают даже фирмы, занимающие лишь 8% рынка. Фактически мы всё еще наблюдаем распространение негостеприимной традиции в антитрасте. Это означает, что подобные дела могут быть связаны с наличием ошибки правоприменения I рода (ложное обвинение). Как и иные проявления популизма в антитрасте, такой подход создает риски повышения барьеров входа, а значит, и повышения рыночной власти укоренившихся участников, что вряд ли соответствует долгосрочным целям защиты конкуренции.

Отход от целей защиты конкуренции и популистская направленность антитраста открывают перспективы для использования в рамках исследования конкурентной политики аппарата теории общественного выбора и политических наук. В частности, можно было бы определить, со стороны каких групп давления предъявлен спрос на то или иное регулирование и к каким ожидаемым последствиям оно приводит. Так, учитывая особое внимание регуляторов к цифровым рынкам, целесообразно предложить теоретическое осмысление того, каким образом различные группы интересов поддерживают различные альтернативы регулирования, особенно с учетом всё более широкого проникновения элементов цифровизации на традиционные рынки.

Согласованность альтернативных целей антимонопольной политики

Примеры слияния *Bayer* и *Monsanto* и расследования против *Qualcomm* показывают, каким образом инструменты антитраста являются одним из способов обеспечения доступа к зарубежным технологиям, а в более широком контексте — решения задач промышленной политики. Однако применение антимонопольного законодательства для решения иных задач может вступать в конфликт с целями защиты конкуренции.

Некоторые авторы предполагают, что антитраст зачастую используется с целью реализации политики неявного протекционизма [Ikejiaku, Dayao, 2021; Mariotti, 2023]. Как и представители новой бранднейской традиции, они критикуют наличие антимонопольных исключений и применение правила взвешенного подхода, однако мотивируют это иным образом. С их точки зрения, наличие исключительных норм открывает возможности для избирательного применения антимонопольных ограничений против отдельных компаний. Иными словами, эти авторы исходят из предпосылки, что правилом взвешенного подхода злоупотребляют сами антимонопольные органы, в то время как новая бранднейская традиция указывает на риски злоупотребления со стороны доминирующих компаний.

Важно отметить, что предположения о протекционистском характере антитраста основываются лишь на анализе нормативной базы, в то время как эмпирического подтверждения данная гипотеза не находит [Bradford et al., 2018; Ikejiaku, Dayao, 2021]. Есть свидетельства, что барьеры входа для иностранных компаний обусловлены не столько самим антимонопольным законодательством, сколько разнообразием и несогласованностью норм, принятых в разных юрисдикциях [Shen, 2022]. Напротив, деятельность антимонопольного органа может компенсировать негативные проявления действующих внешнеторговых ограничений [Авдашева, Корнеева, 2016].

В свою очередь, чрезмерно строгое следование формальным нормам без учета экономического содержания, отказ от экспертизы и действующих антимонопольных исключений несут в себе риски ошибок правоприменения (о чем уже было сказано выше). Исследования показывают, что антимонопольное расследование способно создавать для ответчика потери, превышающие ожидаемый выигрыш заявителя [Bizjak, Coles, 1995]. При этом такие потери возникают не только при установлении факта нарушения, но и при возбуждении дела [Ставнийчук, Павлова, 2023]. Как следствие, антимонопольное разбирательство может рассматриваться как достоверная угроза для потенциального ответчика и выступать

в качестве альтернативного способа решения хозяйственных споров [Шаститко, Павлова, 2022]. Можно предположить, что с учетом подобных рисков правило взвешенного подхода, наоборот, должно применяться более активно.

Таким образом, анализ некоторых дел показывает, что антимонопольное законодательство в отдельных случаях действительно используется с иными целями, в том числе вступающими в противоречие с задачей защиты конкуренции. Тем не менее вопросы, возникают ли такие противоречия на систематической основе, как часто они проявляются в различных юрисдикциях и каков их экономический эффект, являются дискуссионными и требуют дальнейшего исследования, в том числе методами количественного анализа.

Последствия политики в период пандемии коронавируса для конкуренции

Учитывая временный характер принятых мер и возможность проведения ретроспективных расследований, маловероятно, что введенные послабления могут создать какие-то негативные последствия в долгосрочном периоде. Тем не менее действия правительств в период пандемии показывают общую склонность к регуляторному подходу в преодолении кризисных ситуаций. Особенно это заметно на примере мер ценового контроля: в кризисный период правительства многих стран склонились в сторону прямого регулирования, не рассчитывая на уравновешивающее влияние рыночных сил. Наряду с рассмотренными нами тенденциями к распространению ценового регулирования на цифровых рынках и возрастающие популистские настроения склонность правительств к прямому регулированию может выступать одним из доводов в пользу гипотезы о распространении регуляторного фундаментализма.

По этой причине долгосрочный эффект будет оказывать не результат проведенной (и уже отмененной) политики, а сама ее направленность. Государственные органы могут повторить те же действия в будущем. Например, при отмене исключительных мер в ЕС особенно подчеркивалось, что они должны быть возобновлены в случае повторного ухудшения ситуации²⁷. При этом нельзя с уверенностью сказать, что должно послужить триггером для перезапуска политики ценового контроля и на каких рынках ее следует вводить. Это дополнительно подчеркивает актуальность использования аппарата теории общественного выбора и политических наук.

---

²⁷ Communication From the Commission Withdrawal of Temporary Framework for Assessing Antitrust Issues Related to Business Cooperation in Response to Situations of Urgency Stemming From the Current COVID-19 Outbreak 2022/C 381/03. 2022. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.C._2022.381.01.0003.01.ENG&toc=OJ%3AC%3A2022%3A381%3ATOC.

Заключение

На основе проведенного анализа выделены следующие направления, которые проявились в мировой практике антимонопольного правоприменения за последние десять лет:

- сдвиги в сторону проконкурентного регулирования цифровых рынков, в том числе попытки анализа обоснованности ценообразования на рынках с цифровыми платформами;
- популизм в антитрасте, решение социальных и политических вопросов антимонопольными методами;
- использование антитраста в иных целях, отличных от защиты конкуренции, в частности для реализации промышленной политики или трансфера технологий.

Наблюдаемая, таким образом, склонность к прямому регулированию выступает одним из доводов в пользу состоятельности гипотезы о распространении регуляторного фундаментализма. Антимонопольные интервенции на цифровые рынки всё чаще носят характер прямого регулирования, что особенно заметно в контексте расследований подходов к ценообразованию на рынках с платформами. Рост популизма и политической ангажированности приводит к подмене позитивного анализа нормативным. Наконец, использование антимонопольного органа для целей промышленной политики или трансфера технологий может ограничивать конкуренцию со стороны зарубежных компаний. Таким образом, регуляторный крен в антитрасте (а в ряде случаев — фактически переход к прямому регулированию) действительно создает риски ограничения конкуренции, связанные с государственным вмешательством в рыночные процессы.

Регуляторный крен в российской антимонопольной политике уже становился предметом критики со стороны экономистов [Шаститко, Ионкина, 2021], однако нам удалось показать, что подобные тенденции встречаются не только в России, но в равной мере характерны и для зарубежного антитраста.

Тем не менее наличие возможности ограничения конкуренции не означает, что она безусловно будет реализована. Результат регулирования цифровых платформ и экосистем, последствия применения новой брандэйской традиции и риски протекционизма в антитрасте всё еще остаются дискуссионными вопросами, что обуславливает актуальность проведения дальнейших исследований. Такие исследования могут быть связаны с определением количественной оценки выгод и издержек различных подходов к проконкурентному регулированию. При всё более активном

вовлечении антимонопольных ведомств в экономическое регулирование на самых разных рынках (а в особенности на рынках с цифровыми платформами и экосистемами) растет потребность в развитии как теоретического, так и методологического аппарата теории отраслевых рынков, в том числе в развитии методов эмпирического анализа рынков. Перекосы в сторону экономического регулирования и фундаментализма (как противоположности функционализма), а также распространение популизма в анти-трасте определяют актуальность исследований конкурентной политики с применением аппарата теории общественного выбора и политических наук.

Литература

1. *Авдашева С. Б.* Задачи и возможности конкурентной политики в России в условиях деглобализации // Современная конкуренция. 2024. Т. 18. № 1. С. 6–28. DOI: 10.37791/2687-0657-2024-18-1-6-28.
2. *Авдашева С. Б., Корнеева Д. В.* Конкурентная политика на экспортоориентированных рынках: действительно ли компенсирующие меры эффективны? // Экономический журнал ВШЭ. 2016. Т. 20. № 3. С. 442–470.
3. *Авдашева С. Б., Макаров А. В.* Оценка эффектов при запрете антиконкурентных соглашений: решения арбитражных судов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 51–71.
4. *Авдашева С. Б., Цыцулина Д. В., Сидорова Е. Е.* Применение ключевых показателей эффективности для ФАС России: анализ на основе статистики судебных решений // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 3. С. 7–34.
5. *Авдашева С. Б., Шаститко А. Е.* Конкурентная политика: состав, структура, система // Современная конкуренция. 2010. № 1. С. 5–20.
6. *Авдашева С. Б., Шаститко А. Е., Калмычкова Е. Н.* Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта // Экономический журнал ВШЭ. 2007. Т. 11. № 1. С. 89–123.
7. *Авдашева С. Б., Юсупова Г. Ф., Корнеева Д. В.* Конкурентное законодательство в отношении цифровых платформ: между антиitrustом и регулированием // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 61–86.
8. *Косякина А. И., Подлесная А. В.* Противодействие монополистической деятельности в сфере программного обеспечения на примере дел против компании Microsoft // Научные исследования экономического факультета. 2018. Т. 10. № 2. С. 29–52. DOI: 10.38050/2078-3809-2018-10-2-29-52.
9. *Маркова О. А.* Определение границ рынков с платформами: как учитывать сетевые экстерналии и эффект переноса? // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 3. С. 7–30. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_7_30.
10. *Ставнийчук А. Ю., Павлова Н. С.* Эффекты антиitrustа: уроки для доказательной политики // Вопросы экономики. 2023. № 5. С. 68–90. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-5-68-90.
11. Стенограмма семинара «Активизация применения конкурентного законодательства для преодоления отрицательных эффектов существенной рыночной власти в экосистемах цифровых платформ: альтернативные варианты, аргументы противоположных сторон» // Лаборатория конкурентной и антимонопольной политики Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ // Современная конкуренция. 2023. Т. 17. № 6. С. 112–127.
12. *Цыганов А. Г., Павлова Н. С.* Многофункциональные антимонопольные органы в мировой практике: преимущества и риски // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 4. С. 29–50.

13. *Шаститко А. А.* Взаимное влияние экономической теории и конкурентной политики // *Экономическая политика*. 2017. Т. 12. № 4. С. 154–167. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-4-06.
14. *Шаститко А. А.* Эмпирическая оценка роли экономического анализа в российском антитрасте // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2014. № 2. С. 22–44.
15. *Шаститко А. Е.* Пигувианство против коузианства: кто кого? // *Экономическая наука современной России*. 2021. № 3(94). С. 49–57. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-49-57.
16. *Шаститко А. Е.* Экономические эффекты ошибок в правоприменении и правоуправлении. М.: Дело, 2013.
17. *Шаститко А. Е., Ионкина К. А.* Институциональный ответ на технологические изменения в сфере телекоммуникаций // *Вопросы экономики*. 2023. № 5. С. 50–67. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-5-50-67.
18. *Шаститко А. Е., Ионкина К. А.* Химера отечественного антитраста: институт коллективного доминирования в России // *Вопросы экономики*. 2021. № 7. С. 68–88. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-68-88.
19. *Шаститко А. Е., Курдин А. А., Морозов А. Н., Шабалов И. П.* Регулирование, предпринимательские риски и экономическое развитие. М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021.
20. *Шаститко А. Е., Курдин А. А., Филиппова И. Н.* Мезоинституты для цифровых экосистем // *Вопросы экономики*. 2023. № 2. С. 61–82. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-2-61-82.
21. *Шаститко А. Е., Павлова Н. С.* Антиккурентные последствия антимонопольной политики: кейс мобильных операторов // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2021. № 2. С. 7–33.
22. *Шаститко А. Е., Павлова Н. С.* Коузианство против пигувианства: идеи, ценности, перспективы // *Вопросы экономики*. 2022. № 1. С. 23–46. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-1-23-46.
23. *Шаститко А. Е., Павлова Н. С.* Приоритетность удовлетворения внутреннего спроса: от идеи до эффектов // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2022. № 3. С. 107–120.
24. *Шаститко А. Е., Павлова Н. С.* Широкие перспективы и овраги конкурентной политики // *Экономическая политика*. 2018. Т. 13. № 5. С. 110–133. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-5-110-133.
25. *Avdasheva S., Golovanova S., Katsoulacos Y.* The Impact of Performance Measurement on the Selection of Enforcement Targets by Competition Authorities: The Russian Experience in an International Context // *Public Performance & Management Review*. 2019. Vol. 42. No 2. P. 329–356. DOI: 10.1080/15309576.2018.1441036.
26. *Ayata Z.* Old Abuses in New Markets? Dealing With Excessive Pricing by a Two-Sided Platform // *Journal of Antitrust Enforcement*. 2021. Vol. 9. No 1. P. 177–195.
27. *Baumol W. J.* On the Proper Cost Tests for Natural Monopoly in a Multiproduct Industry // *The American Economic Review*. 1977. Vol. 67. No 5. P. 809–822.
28. *Bhargava H. K.* Dogfight in IT Industry: Google vs. Microsoft. UC Davis Graduate School of Management Research Paper. No 15-09. 2009.
29. *Bizjak J. M., Coles J. L.* The Effect of Private Antitrust Litigation on the Stock-Market Valuation of the Firm // *The American Economic Review*. 1995. Vol. 85. No. 3. P. 436–461.
30. *Bradford A., Jackson Jr R. J., Zytznick J.* Is EU Merger Control Used for Protectionism? An Empirical Analysis // *Journal of Empirical Legal Studies*. 2018. Vol. 15. No 1. P. 165–191.
31. *Campbell-Kelly M.* Not Only Microsoft: The Maturing of the Personal Computer Software Industry, 1982–1995 // *Business History Review*. 2001. Vol. 75. No 1. P. 103–145. DOI: 10.2307/3116558.
32. *Carrier M. A.* The Rule of Reason: An Empirical Update for the 21st Century // *George Mason Law Review*. 2008. Vol. 16. P. 827–837.

33. *Davis P., Garcés E.* Quantitative Techniques for Competition and Antitrust Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2009.
34. *Dorsey E., Rybnicek J., Wright J. D.* Hipster Antitrust Meets Public Choice Economics: The Consumer Welfare Standard, Rule of Law, and Rent-Seeking. *Competition Policy International Antitrust Chronicle* (April 2018), George Mason Law & Economics Research Paper. No 18–20. 2018.
35. *Evans D. S., Schmalensee R.* Catalyst Code: The Strategies Behind the World's Most Dynamic Companies. Boston: Harvard Business School Press, 2007.
36. *Evans D. S., Schmalensee R., Noel M. D., Chang H. H., Garcia-Swartz D. D.* Platform Economics: Essays on Multi-Sided Businesses. *Competition Policy International*, 2011.
37. *Forenbacher I., Peraković D., Husnjak S.* Hedonic Modeling to Explore the Relationship of Cell Phone Plan Price and Quality in Croatia // *Telematics and Informatics*. 2016. Vol. 33. No 4. P. 1057–1070. DOI: 10.1016/j.tele.2016.03.008.
38. *Helpman E., Trajtenberg M.* Diffusion of General Purpose Technologies // *General Purpose Technologies and Economic Growth*. Cambridge: The MIT Press, 1998.
39. *Ikejiaku B., Dayao C.* Competition Law as an Instrument of Protectionist Policy: Comparative Analysis of the EU and the US // *Utrecht Journal of International and European Law*. 2021. Vol. 36. P. 75–94. DOI: 10.5334/ujiel.513.
40. *Jacobides M. G., Cennamo C., Gawer A.* Towards a Theory of Ecosystems // *Strategic Management Journal*. 2018. Vol. 39. No 8. P. 2255–2276. DOI:10.1002/smj.2904.
41. *Ju H., Lin P.* China's Anti-Monopoly Law and the Role of Economics in Its Enforcement // *Russian Journal of Economics*. 2020. Vol. 6. No 3. P. 219–238. DOI: 10.32609/j.ruje.6.56362.
42. *Katsoulacos Y., Avdasheva S., Golovanova S.* Determinants of the (Slow) Development of Effect-Based Competition Enforcement: Testing the Impact of Judicial Review on the Choice of Legal Standards by Competition Authorities // *Journal of Industry, Competition and Trade*. 2021. Vol. 21. No 1. P. 103–122. DOI:10.1007/s10842-020-00342-4.
43. *Khan L. M.* The Ideological Roots of America's Market Power Problem // *Yale Law Journal Forum*. 2017. Vol. 127. P. 960–979.
44. *Kianzad B.* The Giant Awakens: Law and Economics of Excessive Pricing During the COVID-19 Crisis // *Law and Economics of the Coronavirus Crisis*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 123–176. DOI: 10.1007/978-3-030-95876-3_5.
45. *Mariotti S.* Competition Policy in the New Wave of Global Protectionism. Prospects for Preserving a FDI-Friendly Institutional Environment // *Journal of Industrial and Business Economics*. 2023. Vol. 50(2). P. 227–241. DOI: 10.1007/s40812-023-00263-3.
46. *Motta M.* Competition Policy: Theory and Practice. New York: Cambridge University Press, 2004.
47. *Polinsky A. M., Shavell S.* The Economic Theory of Public Enforcement of Law // *Journal of Economic Literature*. 2000. Vol. 38. No 1. P. 45–76. DOI: 10.1257/jel.38.1.45.
48. *Posner R. A.* Theories of Economic Regulation // *Bell Journal of Economics*. 1974. Vol. 5. No 2. P. 335–358.
49. *Shapiro C.* Antitrust in a Time of Populism // *International Journal of Industrial Organization*. 2018. Vol. 61. P. 714–748. DOI: 10.1016/j.ijindorg.2018.01.001.
50. *Shastitko A. E., Markova O. A., Morozov A. N.* Antitrust Risks of Platform Pricing // *Russian Journal of Economics*. 2024. Vol. 10. No 2. P. 151–167. DOI: 10.32609/j.ruje.10.117650.
51. *Shen W.* Rethinking Decentralized Antitrust Regimes: A Window on the Future of Protectionism and Overregulation // *Journal of Law & Commerce*. 2022. Vol. 41. P. 285–340.
52. *Spiegel Y.* Antitrust Enforcement of the Prohibition of Excessive Prices: The Israeli Experience // *Excessive Pricing and Competition Law Enforcement*. 2018. 13 September. P. 127–158. DOI: 10.1007/978-3-319-92831-9_5.

References

1. Avdasheva S. B. Zadachi i vozmozhnosti konkurentnoy politiki v Rossii v usloviyakh deglobalizatsii [Targets and Prospects of the Russian Competition Policy Under De-

- globalization]. *Sovremennaya konkurentsya [Journal of Modern Competition]*, 2024, vol. 18, no. 1, pp. 6-28. DOI: 10.37791/2687-0657-2024-18-1-6-28. (In Russ.)
2. Avdasheva S.B., Korneeva D.V. Konkurentnaya politika na eksportoorientirovannykh rynkakh: deystvitel'no li kompensiruyushchie mery effektivny? [Competition Policy in Export-Oriented Markets: Whether Remedies Are Really Effective?]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE [HSE Economic Journal]*, 2016, vol. 20, no. 3, pp. 442-470. (In Russ.)
  3. Avdasheva S.B., Makarov A. V. Otsenka effektivov pri zaprete antikontkurentnykh soglasheniy: resheniya arbitrazhnykh sudov [Effect Assessment Under Russian Enforcement Against Anticompetitive Agreements: Decisions of Commercial Courts]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Public Administration Issues]*, 2017, no. 3, pp. 51-71. (In Russ.)
  4. Avdasheva S.B., Tsytsulina D.V., Sidorova E.E. Primenenie klyuchevykh pokazateley effektivnosti dlya FAS Rossii: analiz na osnove statistiki sudebnykh resheniy [The Use of Key Performance Indicators for the FAS: Analysis Based on the Statistics of Adjudications]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Public Administration Issues]*, 2015, no. 3, pp. 7-34. (In Russ.)
  5. Avdasheva S.B., Shastitko A.E. Konkurentnaya politika: sostav, struktura, sistema [Competition Policy: Composition, Structure, System]. *Sovremennaya konkurentsya [Journal of Modern Competition]*, 2010, no. 1, pp. 5-20. (In Russ.)
  6. Avdasheva S.B., Shastitko A.E., Kalmychkova E.N. Ekonomicheskie osnovy antimonopol'noy politiki: rossiyskaya praktika v kontekste mirovogo opyta [Economic Analysis of Russian Antitrust Policy, International Perspective]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE [HSE Economic Journal]*, 2007, vol. 11, no. 1, pp. 89-123. (In Russ.)
  7. Avdasheva S.B., Yusupova G.F., Korneeva D.V. Konkurentnoe zakonodatel'stvo v otnoshenii tsifrovyykh platform: mezhdru antitrastom i regulirovaniem [Competition Legislation Regarding Digital Platforms: Choice Between Antitrust and Regulation]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Public Administration Issues]*, 2022, no. 3, pp. 61-86. (In Russ.)
  8. Kosyakina A.I., Podlesnaya A.V. Protivodeystvie monopolisticheskoy deyatel'nosti v sfere programmnogo obespecheniya na primere del protiv kompanii Microsoft [Counteraction to Monopolistic Activity in the Field of Software on the Example of Cases Against Microsoft]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta [Scientific Research of Faculty of Economics]*, 2018, vol. 10, no. 2, pp. 29-52. DOI: 10.38050/2078-3809-2018-10-2-29-52. (In Russ.)
  9. Markova O.A. Opredelenie granits rynkov s platformami: kak uchityvat' setevye eksternalii i effekt perenosa? [Platform Market Definition: Accounting for Network Effects and Pass-Through Effect]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory]*, 2022, no. 3, pp. 7-30. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_7_30. (In Russ.)
  10. Stavniychuk A. Yu., Pavlova N.S. Effekty antitrasta: uroki dlya dokazatel'noy politiki [Antitrust's Effects: Lessons for Evidence-Based Policy]. *Voprosy ekonomiki*, 2023, no. 5, pp. 68-90. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-5-68-90. (In Russ.)
  11. Stenogramma seminar "Aktivizatsiya primeneniya konkurentnogo zakonodatel'stva dlya preodoleniya otritsatel'nykh effektivov sushchestvennoy rynochnoy vlasti v ekosistemakh tsifrovyykh platform: al'ternativnye varianty, argumenty protivopolozhnykh storon" [Transcript of the Seminar "Increasing Enforcement to Deal with Negative Consequences of Significant Market Power in Digital Ecosystems: Alternatives, Pros and Cons, Counterarguments"]. Laboratoriya konkurentnoy i antimonopol'noy politiki Instituta analiza predpriyatii i rynkov NIU VShE [Laboratory of Competition and Antimonopoly Policy, Institute of Industrial and Market Studies HSE University]. *Sovremennaya konkurentsya [Journal of Modern Competition]*, 2023, vol. 17, no. 6, pp. 112-127. (In Russ.)
  12. Tsyganov A.G., Pavlova N.S. Mnogofunktsional'nye antimonopol'nye organy v mirovoy praktike: preimushchestva i riski [Multifunctional Competition Authorities in World Practice: Benefits and Risks]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Public Administration Issues]*, 2017, no. 4, pp. 29-50. (In Russ.)

13. Shastitko A.A. Vзаимное влияние экономической теории и конкурентной политики [Interrelationship Between Economic Theory and Competition Policy]. *Экономическая политика [Economic Policy]*, 2017, vol. 12, no. 4, pp. 154-167. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-4-06. (In Russ.)
14. Shastitko A.A. Empiricheskaya otsenka roli ekonomicheskogo analiza v rossiyskom antitruste [The Empirical Evaluation of the Role of Economic Analysis in the Russian Antitrust]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika [Moscow University Economics Bulletin]*, 2014, no. 2, pp. 22-44. (In Russ.)
15. Shastitko A. E. Piguvianstvo protiv kouzianstva: kto kogo? [Piguvianism vs. Coasianism: Who Wins?]. *Экономическая наука современной России [Economics of Contemporary Russia]*, 2021, no. 3(94), pp. 49-57. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-49-57. (In Russ.)
16. Shastitko A. E. *Экономические эффекты ошибок в правотворении и правотворении [Economic Effects of Errors in Law-Making and Law Enforcement]*. Moscow, Delo, 2013. (In Russ.)
17. Shastitko A. E., Ionkina K. A. Institucional'nyy otvet na tekhnologicheskie izmeneniya v sfere telekommunikatsiy [Institutional Response After Technological Changes in Telecommunications]. *Voprosy ekonomiki*, 2023, no. 5, pp. 50-67. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-5-50-67. (In Russ.)
18. Shastitko A. E., Ionkina K. A. Khimera otechestvennogo antitrusta: institut kollektivnogo dominirovaniya v Rossii [Chimera of Domestic Antitrust: Institution of Collective Dominance in Russia]. *Voprosy ekonomiki*, 2021, no. 7, pp. 68-88. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-68-88. (In Russ.)
19. Shastitko A. E., Kurdin A. A., Morozov A. N., Shabalov I. P. *Regulirovanie, predprinimatel'skie riski i ekonomicheskoe razvitiye [Regulation, Business Risks and Economic Development]*. Moscow, Lomonosov MSU Faculty of Economics, 2021. (In Russ.)
20. Shastitko A. E., Kurdin A. A., Filippova I. N. Mezoinstituty dlya tsifrovyykh ekosistem [Meso-Institutions for Digital Ecosystems]. *Voprosy ekonomiki*, 2023, no. 2, pp. 61-82. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-2-61-82. (In Russ.)
21. Shastitko A. E., Pavlova N. S. Antikonkurentnye posledstviya antimonopol'noy politiki: keys mobil'nykh operatorov [Anticompetitive Consequences of Antitrust Policy: The Case of Mobile Operators]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Public Administration Issues]*, 2021, no. 2, pp. 7-33. (In Russ.)
22. Shastitko A. E., Pavlova N. S. Kouzianstvo protiv piguvianstva: idei, tsennosti, perspektivy [Pigouvian vs. Coasian Approach: Ideas, Values, Perspectives]. *Voprosy ekonomiki*, 2022, no. 1, pp. 23-46. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-1-23-46. (In Russ.)
23. Shastitko A. E., Pavlova N. S. Prioritetnost' udovletvoreniya vnutrennego sprosа: ot idei do effektivov [Prioritizing Domestic Demand: From Idea to Effects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika [Moscow University Economics Bulletin]*, 2022, no. 3, pp. 107-120. (In Russ.)
24. Shastitko A. E., Pavlova N. S. Shirokie perspektivy i ovragi konkurentnoy politiki [Wide Prospects and Ravines of Competition Policy]. *Экономическая политика [Economic Policy]*, 2018, vol. 13, no. 5, pp. 110-133. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-5-110-133. (In Russ.)
25. Avdasheva S., Golovanova S., Katsoulacos Y. The Impact of Performance Measurement on the Selection of Enforcement Targets by Competition Authorities: The Russian Experience in an International Context. *Public Performance & Management Review*, 2019, vol. 42, no. 2, pp. 329-356. DOI: 10.1080/15309576.2018.1441036.
26. Ayata Z. Old Abuses in New Markets? Dealing With Excessive Pricing by a Two-Sided Platform. *Journal of Antitrust Enforcement*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 177-195.
27. Baumol W. J. On the Proper Cost Tests for Natural Monopoly in a Multiproduct Industry. *The American Economic Review*, 1977, vol. 67, no. 5, pp. 809-822.
28. Bhargava H. K. Dogfight in IT Industry: Google vs. Microsoft. *UC Davis Graduate School of Management Research Paper*, no. 15-09, 2009.
29. Bizjak J. M., Coles J. L. The Effect of Private Antitrust Litigation on the Stock-Market Valuation of the Firm. *The American Economic Review*, 1995, pp. 436-461.

30. Bradford A., Jackson Jr R. J., Zytznick J. Is EU Merger Control Used for Protectionism? An Empirical Analysis. *Journal of Empirical Legal Studies*, 2018, vol. 15, no. 1, pp. 165-191.
31. Campbell-Kelly M. Not Only Microsoft: The Maturing of the Personal Computer Software Industry, 1982-1995. *Business History Review*, 2001, vol. 75, no. 1, pp. 103-145. DOI: 10.2307/3116558.
32. Carrier M. A. The Rule of Reason: An Empirical Update for the 21st Century. *George Mason Law Review*, 2008, vol. 16, pp. 827-837.
33. Davis P., Garcés E. *Quantitative Techniques for Competition and Antitrust Analysis*. Princeton, Princeton University Press, 2009.
34. Dorsey E., Rybnicek J., Wright J.D. Hipster Antitrust Meets Public Choice Economics: The Consumer Welfare Standard, Rule of Law, and Rent-Seeking. *Competition Policy International Antitrust Chronicle* (April 2018). *George Mason Law & Economics Research Paper*, 2018, no. 18-20.
35. Evans D. S., Schmalensee R. *Catalyst Code: The Strategies Behind the World's Most Dynamic Companies*. Boston, Harvard Business School Press, 2007.
36. Evans D. S., Schmalensee R., Noel M. D., Chang H. H., Garcia-Swartz D. D. *Platform Economics: Essays on Multi-Sided Businesses*. Competition Policy International, 2011.
37. Forenbacher I., Peraković D., Husnjak S. Hedonic Modeling to Explore the Relationship of Cell Phone Plan Price and Quality in Croatia. *Telematics and Informatics*, 2016, vol. 33, no. 4, pp. 1057-1070. DOI: 10.1016/j.tele.2016.03.008.
38. Helpman E., Trajtenberg M. Diffusion of General Purpose Technologies. In: *General Purpose Technologies and Economic Growth*. Cambridge, The MIT Press, 1998.
39. Ikejiaku B., Dayao C. Competition Law as an Instrument of Protectionist Policy: Comparative Analysis of the EU and the US. *Utrecht Journal of International and European Law*, 2021, vol. 36, pp. 75-94. DOI: 10.5334/ujiel.513.
40. Jacobides M. G., Cennamo C., Gawer A. Towards a Theory of Ecosystems. *Strategic Management Journal*, 2018, vol. 39, no. 8, pp. 2255-2276. DOI: 10.1002/smj.2904.
41. Ju H., Lin P. China's Anti-Monopoly Law and the Role of Economics in Its Enforcement. *Russian Journal of Economics*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 219-238. DOI: 10.32609/j.ruje.6.56362.
42. Katsoulacos Y., Avdasheva S., Golovanova S. Determinants of the (Slow) Development of Effect-Based Competition Enforcement: Testing the Impact of Judicial Review on the Choice of Legal Standards by Competition Authorities. *Journal of Industry, Competition and Trade*, 2021, vol. 21, no. 1, pp. 103-122. DOI: 10.1007/s10842-020-00342-4.
43. Khan L. M. The Ideological Roots of America's Market Power Problem. *Yale Law Journal Forum*, 2017, vol. 127, pp. 960-979.
44. Kianzad B. The Giant Awakens: Law and Economics of Excessive Pricing During the COVID-19 Crisis. In: *Law and Economics of the Coronavirus Crisis*. Cham, Springer International Publishing, 2022, pp. 123-176. DOI: 10.1007/978-3-030-95876-3_5.
45. Mariotti S. Competition Policy in the New Wave of Global Protectionism. Prospects for Preserving a FDI-Friendly Institutional Environment. *Journal of Industrial and Business Economics*, 2023, vol. 50, no. 2, pp. 227-241. DOI: 10.1007/s40812-023-00263-3.
46. Motta M. *Competition Policy: Theory and Practice*. New York, Cambridge University Press, 2004.
47. Polinsky A. M., Shavell S. The Economic Theory of Public Enforcement of Law. *Journal of Economic Literature*, 2000, vol. 38, no. 1, pp. 45-76. DOI: 10.1257/jel.38.1.45.
48. Posner R. A. Theories of Economic Regulation. *Bell Journal of Economics*, 1974, vol. 5, no. 2, pp. 335-358.
49. Shapiro C. Antitrust in a Time of Populism. *International Journal of Industrial Organization*, 2018, vol. 61, pp. 714-748. DOI: 10.1016/j.ijindorg.2018.01.001.
50. Shastitko A. E., Markova O. A., Morozov A. N. Antitrust Risks of Platform Pricing. *Russian Journal of Economics*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 151-167. DOI: 10.32609/j.ruje.10.117650.
51. Shen W. Rethinking Decentralized Antitrust Regimes: A Window on the Future of Protectionism and Overregulation. *Journal of Law & Commerce*, 2022, vol. 41, pp. 285-340.
52. Spiegel Y. Antitrust Enforcement of the Prohibition of Excessive Prices: The Israeli Experience. *Excessive Pricing and Competition Law Enforcement*, 2018, pp. 127-158. DOI: 10.1007/978-3-319-92831-9_5.